

«НА ПЛАНЕТЕ МЁРТВОЙ ВСПЫХНЕТ ЖИЗНЬ...»

О поэзии автора «Советства»

Юрий Поляков. Время не устаёт. — М. : АСТ, 2022. — 576 с.

ЮРИЙ ПОЛЯКОВ — один из самых востребованных отечественных писателей, его творчество широко известно в России и за рубежом. Каждая его книга становится событием. В своих произведениях он продолжает традицию русской классической прозы, сочетая лёгкость и изящество стиля с глубоким анализом человеческих характеров, социальных явлений и образов текущей эпохи. Широкому читателю он полюбили стиливой универсальностью, доброй иронией, отсутствием категоричности в суждениях (за исключением случаев, имеющих принципиальное, мировоззренческое значение), но главное — правдивым описанием жизни и недвузначным выражением своего отношения к действительности.

Важным качеством, выделяющим писателя в ряду нынешних "знаковых" литературных имён, является его ярко выраженные патристическая и в хорошем смысле слова консервативная позиция. Оставаясь сыном своего времени, Юрий Поляков противостоит модной в постсоветские годы тенденции отказа от прошлого, дискредитации советской эпохи, искажения исторической правды. Не секрет, что в ходе так называемой перестройки и позднее многие советские писатели предали идеалы, которым ревностно служили и, по выражению классика, "задрав штаны", побежали за новыми хозяевами жизни, стараясь предугадать их желания и органично вписаться в капиталистическую "новую реальность". Юрий Поляков на протяжении всех этих лет не боялся говорить правду, даже если она шла вразрез с актуальными "трендами" и мнением "начальства". Его острая публицистика воздействует на формирование общественного мнения по наиболее горячим вопросам нашего непростого бытия.

Новая книга Юрия Полякова "Время не устаёт" — это двенадцатый том, завершающий издание собрания сочинений автора. Естественно, для любого писателя выход "Собрания..." — событие важное и волнительное. Это и определенное подведение промежуточных итогов, и возможность взглянуть на своё творчество как бы со стороны, и признак высокого профессионального статуса. Но есть в этом ещё и прямой интерес читателя, получившего возможность приобрести для домашней библиотеки произведения любимого автора в компактной форме. Поэтому выход собрания сочинений Юрия Полякова — это событие неординарное, заслуживающее пристального внимания как со стороны читателей, так и со стороны критиков и литературоведов.

Двенадцатый том — особый. Далеко не все знают, что де-юре Юрий Поляков в качестве поэта — выпустил ряд поэтических сборников. Но в дальнейшем жизнь внесла коррективы. В двенадцатом томе собраны стихи, написанные в разные периоды. Здесь стихи патристического содержания, любовная и философская лирика, политическая сатира, пародии и эпиграммы. И эта малоизвестная сегодня ипохаста Юрия Полякова даёт новое, более широкое представление о его творчестве, о формировании его таланта и характера. Многие известные писатели входили в литературу со стихами и сохраняли это лирическое внутреннее горение, зажжённое поэтическим вдохновением.

Философское начало в стихах Юрия Полякова столь органично переплетено с лирическим, что это переплетение стало признаком стиля. Вот одно из наиболее характерных стихотворений:

*Если в мире всё взаимосвязано,
От шуршания трав до хода лет,
Значит, всё, что между нами сказано,
Важно для людей и для планет.
Значит, оттого что двое досветла
По Москве бродили, обнявшись,
Где-то луг дождя напьётся досыта.
На планете мёртвой вспыхнет жизнь...*

Стихотворение датировано 1985 годом, и в нём явно ощущается атмосфера и знаки позднесоветской эпохи — стремление человека осознать мир и своё место в нём, чувство единства и связанности всего на свете, целомудренность и чуткость взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Эти стихи прекрасно воспринимаются и сегодня, и читатель словно возвращается в прежнюю, духовно чистую атмосферу. Конечно, у поэтов советской эпохи разный уровень дарования, но в целом советская многонациональная поэзия формировала нравственную систему координат, создавала атмосферу, благоприятную для воспитания и развития лучших человеческих качеств. Правда, впоследствии эти качества уступили новым, "демократическим" ценностям и установкам, но они были, и они способствовали тому, что наша жизнь — трудовая, творческая, очень непростая, состоящая из многих проблем — была освещена изнутри тёплым светом, внутренним смыслом. Стихи Юрия Полякова сегодня возвращают нам эту атмосферу, заставляя многое понять, заново почувствовать и переосмыслить.

КОГДА СЛУЧАЕТСЯ ВОЙНА

*Нахмурая, думает крестьянин
О том, кто уберёт поля.
Спортсмен — что будет только ранен.
Старушка — что пойдёт пальба.*

*Хозяин — что его постройка,
Возможно, будет сожжена.
Ревнивый муж — о том, насколько
Верна красивая жена.
Поэт — о том, что нынче люди
Не до рифмованных обид...
И все — о том, что живы будут.
Что будет кто-нибудь убит...*

Говорить о сложных философских вопросах бытия на простом и доступном языке, не понижая при этом уровня поднимаемой проблемы, — признак истинного таланта. Сегодня, особенно в среде молодых литераторов, есть манера относиться к советской поэзии в лучшем случае со снисходительным высокомерием. Такое отношение чаще всего объясняется неспособностью или нежеланием прочитать стихи без предубеждения, постараться услышать и понять.

Перечитывая иногда стихи признанных мэтров советской поэзии, мы видим, что при всей разнице масштабов дарований, их объединяет преемственность (порой, может быть, чрезмерно ортодоксальная) по отношению к нашей классической традиции. В центре внимания советской поэзии всегда находился человек с его вполне конкретной жизнью — чувствами, мыслями, заботами, нравственным выбором... Слова для этого требовались простые, но сама серьёзность и глубина подхода к творческой задаче сообщала этим "простым" словам глубокий бытийный смысл и острую поэтическую эмоцию. Поэт Юрий Поляков органично воспринял эту линию и талантливо выразил её в своих стихотворениях.

Горькая ирония и злая сатира слышны в ответе Юрия Полякова тем, кто на протяжении многих лет пытался убедить нас в том, что вся история России — это история деспотизма, репрессий и всяческого зла.

*Бедный Дельвиг умер, затравленный:
Бенкендорф Сибирь посулил.
Бедный Горький умер, отправленный:
Сам Яеода яду подлил.
Слёзы жертв до сих пор не высохли.
И теперь, кого ни спроси:
При царях ли, при коммунистах ли
Только мучались на Руси.
Как и вы, ненавижу цепи я.
Но нельзя жить, отцов кляня!
То, что вы называли "Советелия",
Это Родина для меня...*

Патриотизм пронизывает всё поэтическое творчество Юрия Полякова, от самых первых стихов молодого поэта, до современных, — уже известного прозаика и авторитетного общественного деятеля. Онтологическая необходимость восстановления связи времён, прерванной на рубеже веков, вдохновляет его в 2018 году на страстные, саркастичные и горькие строки, призванные пробудить в народе подавленное самосознание и вернуть достоинство, обретенное в ходе трагичного и величественного исторического процесса и утраченное в процессе духовной смуты "эпохи перемен".

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

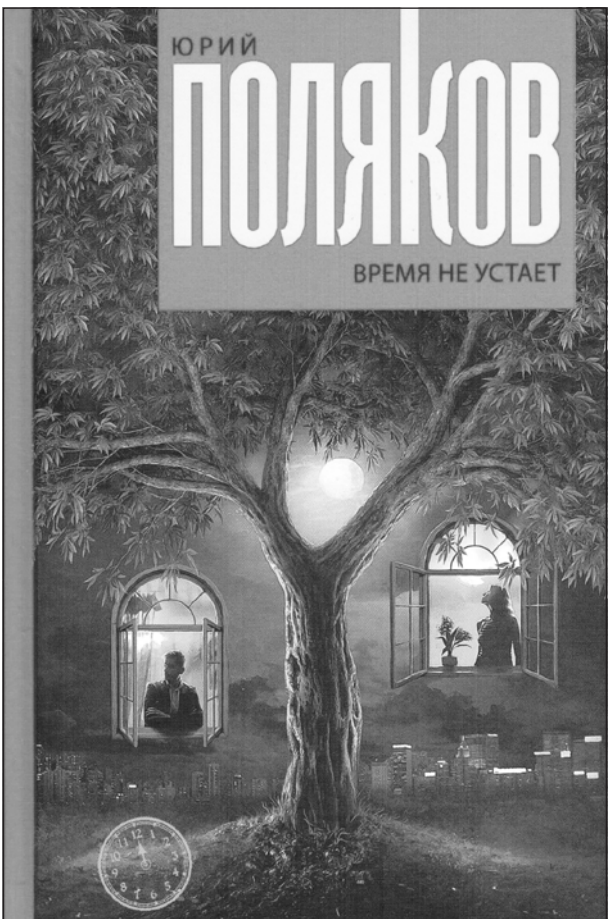
*В день пресветлый портреты героев
Мы проносим под сенью Кремля.
Победив и Отчизну опустоше,
Вы ушли. Но робкая змея
Отпускает вас в этот великий,
В этот зоркий и радостный час:
Из могил поднимаются лики
И с презрением смотрят на нас...*

Стихи, собранные в книгу, написаны в разные годы, но воспринимаются органично, поскольку отражают творческую эволюцию писателя.

В разделе "Сатира" Юрий Поляков остроумно и иронично высмеивает как факты действительности, так и одиозных персонажей истории и современности. И читатель может убедиться в том, что такие вроде бы архаичные и маргинальные жанры, как пародия и эпиграмма, и в наши дни обладают большой художественной и моральной силой, нередко оказывая прямое влияние на общественное сознание. И если жанр пародии в советское время развил и продолжил свою традицию, то актуальность эпиграммы проявилась именно в новейшие времена, когда необходимость выразить отношение к человеку и дать ему жёсткую оценку зачастую имела ситуативный, мгновенный характер. Эпиграмма, в отличие от много поэтического текста, чаще всего передаётся изустно и начинает жить в народе самостоятельной жизнью. И вот мы видим, как тщательно выстроенный медийный образ того или иного деятеля разрушается под воздействием точно подмеченной черты и метко сказанного слова.

СЕРГЕЙ А. КОВАЛЁВ

*С врагами России всегда в унисон —
Замыганный правозащитный факсон.*

ЗАГАДКА

*Что такое Хакамада?
Наглость, пудра и помада...*

ВОЛКОГОНОВ

*От словоблудья генерал,
Морачный народ.
При коммунистах в меру врал,
Теперь без меры врёт.*

ДОБОДАЛСЯ

*Просто было на бумаге:
Всё — сексты да ГУЛАГ!...
Знай — бодай врага!
А вернулся на руины —
Лышь схватился за седины!...
Зря точил рога!*

Есть в этом разделе эпиграммы и похёстче. Охват персонажей, кому они адресованы, чрезвычайно широк: от политиков до деятелей культуры, и каждому Юрий Поляков даёт лаконичную и исчерпывающую оценку.

Стихов, написанных Юрием Поляковым, вполне достаточно и для самостоятельной поэтической биографии. Кроме стихов, которые составляют основную часть книги, есть здесь и другие материалы, также представляющие большой интерес. Книга открывает подборку эссе, освещающей широкий круг вопросов и тем. Писатель делится воспоминаниями о литературной жизни советской эпохи, рассуждает о природе творчества. Повествуя о начале своей литературной биографии, красочно и достоверно описывает атмосферу и нравы в среде советских литераторов, делится своим жизненным опытом с молодыми поэтами, даёт им советы.

"В 1980-х на радио я вёл поэтический клуб "Берёзка", ко мне приходили тысячи писем от начинающих поэтов со всех уголков необъятной нашей страны. В этих письмах были стихи на самые разные темы, но больше всего — о любви к Родине. Многие, увы, напоминали рифмованные передовицы газеты "Правда", и в ту пору меня это страшно раздражало. Но теперь, поумнев и пережив разгром страны, я думаю, что государственная пропаганда, навязывающая гражданам любовь к своей стране, это — при всей издержках — всё-таки гораздо естественнее, нежели антитроп, воспитывающий в людях неприязнь к собственной Родине. Дорогие молодые поэты, пишите стихи о любви к Родине! Не бойтесь "либеральной жан-дармерии". Не стесняйтесь своего чувства! Это нормально и даже необходимо. И пусть вас не смущает раздражение тех, кто едет в чужом поезде. Они вам не попутчики..."

В книге также представлены повесть о поэте-фронтовике Георгии Суворове и ряд статей о поэзии. Несомненно, универсальный литературный опыт известного прозаика будет интересен не только литераторам, но и широкому кругу читателей.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

СЕГОДНЯ, когда коллективный Запад демонстрирует полную готовность и желание вычеркнуть Россию, всю русскую цивилизацию из прошлого, настоящего и будущего, "лишить сущности, а память вытоптать", ясное дело становится тот факт, что одних гиперзвуковых ракет и нефти с газом недостаточно для того, чтобы отстоять своё, своих предков и потомков право бытия. Горький опыт уничтожения Советского Союза, который рухнул, несмотря на всю свою материальную мощь, а во многом — и благодаря ей, буквально вопиет о необходимости сохранения и развития нашей системы ценностей, нашей культуры как уникального способа взаимодействия с обществом и миром.

Но мы, имеющие уши, разве слышим этот вопль?! Разве готовы отключиться на него своим сердцем, всеми своими делами и помышлениями, чтобы не допустить нового краха нашей Родины, которая всё ещё объединяет нас в то общее, единое и целое, без чего русские перестанут быть русскими, Россия — Россией, а человечество — человечеством? Но нужны ли мы — вот такие, как есть — сами себе? Любим ли себя самих? И если — всё-таки да, то за что и для чего? Похоже, никто ответов на эти вопросы не ищет, да и сами вопросы мало кто задаёт... Православные, коммунисты, либералы? Но нигде ни одна заповедь не призывает любить Россию: ни как Бога, ни как самих себя. И наш дом остаётся разделённым в основании своём.

Да, сегодня Россия в этом мире "не стоит, а парит", как верно заметил поэт Юрий Кузнецов. И есть внутри неё нечто, всё ещё позволяющее парить, всё ещё позволяющее совмещать, казалось бы, абсолютно несовместимое: задрапированный на День Победы ленинский Мавзолей с обращением "То-варищи!", либеральные ценности для "элит" и традиционные — для "неэлит", высочайшие технологии, военные в том числе, с массовым бытовым и прочим жизненным неустройством... Но не таёт ли это нечто на наших глазах, словно шагреньевая кожа?

ХРАМ НА БОГОНЕ

Размышление о повести Александра Попова

О небрежении русской литературой — особенно современной — в этой связи даже говорить не стоит, образование наше реформировано так, что даже Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой и Достоевский в жизни нового поколения занимают меньшее место, чем герои соцсетей интернета. Не знают, не любят, не помнят. Впрочем, изменилось само коммуникативное пространство. Люди в подавляющей массе своей вообще не читают тексты, а "серфят" видео.

Литература умирает первой, в своём текущем, "журнальном" исполнении — безнадёжно. Бумажные тиражи "толстых" журналов не дотягивают даже до десятка тысяч, и всё большее их число уходит в электронные версии "сайт-лайт" или вообще прекращают своё существование. Нет читателя — нет литературы. Как отмечают 100-летние юбилеи полностью ушедшей в виртуал столичной "Молодой гвардии" или "Сибирских огней" из Новосибирска с тиражом в полторы тысячи экземпляров?

ВЮБИЛЕЙНОМ, мартовском, выпущенном к 100-летию журнала "Сибирские огни" номере почти половину объёма заняла повесть-быль Александра Попова "Храм на Богоне", что вполне соответствует заявленной политике редакции: "Если в публицистическом и критическом разделах традиционно сохраняется "дискретность" сибиряков, то прозаики и поэты собираются в "Сибирские огни" со всего мира". На восьмидесяти страничках автор от первого лица рассказал, в общем-то, типовую историю разрушенного при советской власти храма Покрова Пресвятой Богородицы в селе Покров Александровского района Владимирской области, где к 2010 году проживало 2 (два) человека. А в описанном Александром Поповым время, всего-то полвека назад, это было небольшое село с начальной (четырёхклассной) школой и почти сотни учащихся в ней, а также с каменным храмом, закрытым в 1930 году и полностью разрушенным уже в годы "хрущёвских" гонений на церковь. Этот храм, собственно, и является главным героем повествования. Но заодно — символом внутреннего разделения нашей страны, которое предшествовало внешнему краху.

И устроенный от имени областных властей в помещении церкви льнозавод, на который даже за государственный счёт закупили оборудование, устраивался не с целью сделать местный колхоз "Красная мечта" богаче, а с целью окончательно разрушить здание, потому что, как говорит приехавший в Покров "человек из области" Леонид Григорьевич: "Над душами людей должен быть только один хозяин". Образ этого функционера, "жесты сталинских репрессий", снова вершащего делами и судьбами людей, — один из самых ярких в повести-были Александра Попова, — "мелкий партийный бес", прототипом которого явно выбран Великий Инквизитор Достоевского... Образ жизненный, узнаваемый, но... Ведь за Победу в Великую Отечественную сражались и погибли совсем другие коммунисты. А в японскую войну при Николае II иконы и молитвы не помогли российской императорской армии одолеть лучше оснащённую армию микадо...

Рвётся на части в этом выборе рас-троенное (между свободой, справедливостью и развитием) русское сердце, и чем, каким словом и делом можно исцелить его раны? Как вернуть духовное зрение — по примеру ещё одной героини повести-были, бабы Оли, которая спасла от слепоты мать автора-рассказчика, вынув (языком!) из её раненых глаз осколки разбитого стекла? Как совместить "жизнь по совести", которую требует от председателя колхоза, отца автора-рассказчика, Долгушин-дед, и "жизнь по закону", воздавая Богу Богово, а кесарю кесарево, если кесари издают несовместимые с совестью законы и требуют их обязательного исполнения? Строить "рай на земле"? — неважно, либерально-рыночный или коммунистический — или же уповать на Царство Божие? Будет ли в глобальном электронном концлагере тоже "несть ни еллина, ни иудея", а только разные наборы цифр и других знаков?

Остаётся разве что признать неисповедимость всю жизнь испытывающих нас путей-дорог и поставить поклонный крест — не на месте разрушенного храма, а в собственно своём, единственном для нас и рвущемся на части сердце. И — несмотря ни на что — надеяться на лучшее, но быть готовым ко всему? Пусть эта надежда становится верой, а вера — любовью. Той любовью, которая идёт из России в мир.

Георгий СУДОВЦЕВ

18 мая (среда) в помещении Центральной библиотеки №15 имени В.О. Ключевского состоится встреча с историком, журналистом, экспертом Константином Залеским. Тема встречи: Украина и политика Берлина. В своей работе, посвящённой событиям начала XX века, крупный немецкий историк Фриц Фишер писал, что германский и австро-венгерский генеральные штабы планировали поднять восстание на Украине. Фишер отмечал, что "вторая и решающая фаза германской политики революционизирования на Украине началась уже в августе 1914 года". Таким образом вектор германской политики, направленный на Украину, возник много лет назад. Судя по нынешним шагам Берлина, в наши дни он не снят с дипломатической повестки Германии.

Начало в 19:00, просьба приходить несколько заранее, вход свободный. Адрес: г. Москва. Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2 (3-4 минуты пешком от станции метро "Марксистская").

ТОЛЬКО СВЕТ...

Памяти писателя Петра Краснова

го, он фокусирует внимание автора-рассказчика и читателя на образе главного героя: "...я с трудом заметил идущего по дороге человека", — одновременно уводя повествование в прошлое и "выныривая" из него в дьящееся настоящее в финале: "Солома кончилась, костёр наш почти погас, и малиново светился под тёмным налётом пепла его остающийся жар". И таких тонких моментов, в совокупности называемых "словесное мастерство", в этом рассказе Петра Краснова можно найти десятки. Таков он, литературный дар — той же таинственной природы, что и, например, музыкальный слух. Тут или есть, или нет — купить негде...

Но помимо этого бесспорного дара у тогда ещё молодого автора было столь же бесспорное чувство меры: ни одна фраза, ни одно слово не выбивались из общего хода и ритма повествования, вовсе не однотонного, кстати. "Земля, говорят, запылилась, а горе забычиво; оно и верно", — говорит главный герой, поясняя, что его имя полно, "седьмой клетке" колхоза, дано не вполне по праву: ведь не сам он, а его друг Иван Шурамыгин погиб там. "Ну, похоронили мы Ивана с честью, похаживали. Да только коротка по нём память была, очень уж тихий да спокойный он, неприметный был... Теме времён, да и вдовая Алёна его с детскими да сверевкой на сторону подальше, на заводы, ну и заглохло всё. Так с той поры и повелось: сначала было говорили — каково, мол, сельское поле? — Да Сашки с Шурамыгинами... а потом вот осталось почему-то моё тока имечко. Может, потому что на глазах я всё время... кто знает?" Автор знает: "Сжики, как гриб, по пояс в земле, скор совсем по шляпку уйдё, и не видно меня будет нигде, а здесь останусь; в комочке каудет, в любом колхозе сидеть буду..."

Точно так же сформулировано (услышано?) было писателем памятное: "Жизни человеку — на три раздумья... Как жить, каково живётся да зачем жил...". Первый вопрос — вопрос молодости, рассвета человеческой жизни; второй — её зрелости,

зенига; третий — старости, заката... И не всегда правильный ответ на первый вопрос предполагает правильный ответ на все остальные. Впрочем, и наоборот. "Не смотри, как человек живёт, — смотри, как умирает", — это ведь тоже народная, веками выстраданная мудрость...

И если чувство слова — дар полностью природный, если и наследные дары природными считать, то чувство меры — лишь отчасти. Поскольку его суть — понимание тех систем и структур, к которым оно применяется и в которых проявляется. А такое понимание выше некоего базового уровня невозможно без знания, без образования. Советская образовательная система (а это не только школа, но и библиотеки, и средства массовой информации, и многое другое) возможность получения таких знаний в целом предоставляла с избытком. Не без исключений, особенно идеологических, только подтверждающих общее правило, однако "академическое образование для всех" — это был не лозунг, но руководство к реальному действию, от Москвы до самых до окраин. И любой ученик сельской школы при желании мог узнать очень и очень многое. То же самое касается и развития творческих способностей: для Петра Краснова таким местом творческого становления в Оренбурге было литературное объединение имени Мусы Джалиля при редакции молодёжной газеты "Комсомольское племья".

Доброе слова писателя о "базе советского, в какой-то мере классического образования и воспитания" подтверждают: сам-то он был как раз из таких учеников. Но вдобавок ещё и понимал суть известной поговорки: "Век живи, век учи...". — вплоть до её завершения, делающего поговорку поспешивой: "Дураком помрёшь", и продолжения в виде народных сказок про Ивана-дурака. Поэтому близ "царских палат" столицы у него не задалось, "генеральских" литературных погон не получил, ибо и не стремился — а полное совпадение фамилии-имени-отчества писателя и казённого за три года до его рождения известного белоказачьего генерала-анти-

советчика, пошедшего на службу к Гитлеру (и, кстати, тоже писателя, автора 30 романов), здесь какой-либо существенной роли не сыграло. Впрочем, в коммунисты Пётр Краснов тоже не записался, а к литературным группам — к тем же "деревенщикам", например, — не приобщился. Хотя был со всеми знаком и всеми же, независимо от их политических пристрастий, ценим.

"В простоте его народной прозы такие бездны и глубины скрываются, о каких, пожалуй, он и сам не всегда догадывается", — писал о нём Владимир Бондаренко. "Кажется, единственный на нынешний час из современных прозаиков, кто... не даёт жизни свернуться в клубок, примиряя нас с нею без единого слова лжи и обманно-го утешения", — это уже характеристика творчества Петра Краснова от Валентина Курбатова, ныне тоже покойного. Его проза, неброская, неяркая внешне, задевала и помнилась особой горечью и терпкостью, словно полнынь родных писателю оренбургских степей. "Сомнения, страхи — они не уйдут, нет, им быть и быть; но есть свет, ищущий нас, только свет", — писал он в повести "Звезда моя, вечерница", написанной в начале 2000-х годов.

Небрежения словом, как и небрежения землёй, Пётр Краснов не принимал даже в самых близких себе по духу и по жизни людях. А потому всегда, при всей своей внешней "мерности", открытости и дружелюбии к окружающим, неизменно был внутренне замкнут и сосредоточен на своём, заветном. И с каждым днём, с каждым годом это сосредоточение становилось всё более объёмлющим и глубоким — несмотря на активную общественную деятельность писателя: одна только литературная премия "Капитанская дочка" чего ему стоила, не говоря уже о многолетнем (2008–2013) руководстве Оренбургской организацией Союза писателей России, создании альманаха "Гостинный двор" и прочих "нагрудных" региональных и федерального уровня!

Писатель не отказывался от таких нагрудков, не уходил в "башню из словочной кости", следуя старинному крестьянскому принципу: "Помирай, а рожь себя!" — но всё больше убеждался сам и пытался убедить своих читателей, что "Одной материей" ничего-то не объяснить, бессмыслицу только физического существования человека не разрешить, как и его нравственную проблематику. "Итоговый" и единственный роман Петра Краснова "Заполье" обдумывался и создавался, по признанию автора, почти три десятка лет, с момента уничтожения Советского Союза и расстре-

ла Верховного совета России. Наверное, мало кто обратил внимание на перекличку этого названия, "Заполье", с дебютным "Сашкиным полем". То было — поле. А это — уже заполье.

Прошло время. Невеликое вроде бы. Пятнадцать лет всего, или около того, от времени действия "Сашкина поля", где временные края за сорок лет зашли... Но всё, что в 70-е выделось долгим и прочным: вся память о жертвах и победах прошлого, все надежды и мечты на будущее, — уже ничего не значат... Умирает, гибнет главный герой романа, журналист Иван Базанов, который противился, как мог, накатившему на Родину морю, пал в этой неравной борьбе, — "и беспрятственно уже идёт в хлебном, житном ко осуществлению чаемому, зовом его живёт, время тут теперь не властно, и все сроки близки".

Если герой из "Сашкина поля" не смог рассчитывать с заводилой убийц своего друга, Константином Мишанькиным, которого "так и не споймали, ушёл вверх", и, "может, где-нибудь сидит сейчас, внуков нянчит да молодость поминает, как все люди", то антагонист Ивана Базанова открыто торжествовали победу "здесь и сейчас": не только политическую, но и нравственную, — народ принял разделение на "верхи" и "низы", на "господ" и "быдло", на "винеров" и "лузеров", и изменится это, если изменится, теперь уже не скоро, не при нашей жизни, — констатировал Пётр Краснов. Но сердцем своим не принимал это как истинное и должное. Взяскую, в лучших традициях русской литературы, нетварного, горного света, который блещёт в каждой слезинке ребёнка, в каждом, кто прожил, как сумел, недолгий свой земной век... "Дни лет наших, в нишке сёвемдесят лет, аще же в силах, омысдесть лет, и множак их труд и болезнь..." — этим словам belongs двух тысяч лет, но истинность их подтверждается снова и снова.

Пётр Краснов, подобно созданному его талантом человеческим образом, сумел за годы жизни взорвать своё поле, каждую строчку, каждое слово на нём. И оставил его — хлебное, житное ("жито" от слова "жить") — каждому, кто захочет напиться от него, всем своим читателям: прошлым, нынешним и будущим, уж сколько их ни найдётся в этих временах. Ведь и вправду, никакое "время тут теперь не властно, и все сроки близки".

Вечная память!

Владимир ВИННИКОВ